

Предлагаемая статья начинает серию публикаций, в основу которых легли материалы этносоциологического исследования, проведенного в трех городах России в 1997–1998 гг. и посвященного разнообразным аспектам формирования национальной идентичности российских евреев. Редакция журнала выражает благодарность авторам проекта за предоставленную возможность стать первым российским научным изданием, знакомящим читателей с результатами этой работы.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ

Цви Гительман, Валерий Червяков, Владимир Шапиро

Заканчивающееся десятилетие ознаменовалось радикальными переменами в жизни российского еврейства, наиболее крупной еврейской популяции Восточной Европы. Согласно переписи 1989 г., еврейское население России было самым крупным среди республик СССР и насчитывало 551 тыс. человек, или 39,2% всего советского еврейства.

Почти все российские евреи — ашкеназы. Доля неашкеназских групп (горских, грузинских, среднеазиатских евреев и крымчаков) составляла во всем еврейском населении России всего лишь 2,58%. Подавляющее большинство российских евреев — горожане. В сельской местности, согласно переписи 1989 г., проживало лишь 1,74% их общего числа.

90-е гг. характеризовались не только масштабной эмиграцией в Израиль, США, Германию и некоторые другие страны, но и пробуждением национального самосознания евреев. Шло возрождение и строительство полнокровной еврейской жизни и еврейской общины со всеми ее институтами — традиционными и новыми, отвечающими вызову времени. И в столице, и в провинции создавались и приобретали опыт функциони-

Гительман Цви, профессор факультета политических наук Мичиганского университета (США); Червяков Валерий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (г. Москва); Шапиро Владимир Давидович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

рования многочисленные и разнообразные национальные ассоциации, организации, учреждения — общественно-политические, культурно-просветительские, образовательные, религиозные, благотворительные, женские, молодежные, ветеранские и др. В орбиту их деятельности в той или иной форме вовлекалась все более значительная часть еврейского населения.

В этот же период сложились разносторонние прочные связи российского еврейства с Израилем, еврейской диаспорой, международными еврейскими организациями. Российская община продолжает быстро интегрироваться в мировое еврейство, которое, в свою очередь, стало одним из значимых факторов формирования ее современного облика. Главным инструментом этого многопланового и нередко противоречивого влияния стали представительства израильских, американских и некоторых других светских и религиозных еврейских организаций зарубежья.

Все эти три массовых феномена характеризуют разные стороны одного и того же процесса — поиска еврейской идентичности, в значительной мере утраченной несколькими поколениями. Однако в 90-е гг. в среде российского еврейства параллельно и достаточно интенсивно шел процесс противоположной направленности, начавшийся много лет назад — ассимиляция и аккультурация под мощным воздействием окружающих народов и, как результат, эрозия еврейской этничности и идентичности.

С целью изучения названных процессов Еврейским научным центром (г. Москва) был осуществлен крупный междисциплинарный этносоциологический проект: «Национальное самосознание российских евреев» (авторы — Цви Гительман, Валерий Червяков и Владимир Шапиро). Первое исследование в рамках проекта, проведенное в 1992–93 гг., затронуло многие аспекты национальной жизни российских евреев. Назовем лишь главные из них:

- 1) пути, формы и способы самоопределения евреев как этнической общности;
- 2) типология и структура их национального самосознания, соотношение в нем компонентов еврейской и русской идентичности;
- 3) источники и агенты формирования еврейского самосознания, проблема этнической социализации и преемственности поколений;

- 4) роль иудаизма, традиций, всего еврейского культурного наследия, исторической памяти, событий новейшей истории в мироощущении и повседневной жизни современных евреев;
- 5) включенность в еврейское организованное движение, участие в строительстве еврейской общины, ее институций;
- 6) этническая толерантность и этническая избирательность евреев в межличностном общении;
- 7) смешанные браки, их влияние на еврейскую идентичность;
- 8) проблема антисемитизма и ее восприятия евреями; их взаимоотношения с нееврейским окружением;
- 9) отношение к Израилю, мировой еврейской диаспоре;
- 10) эмиграционный потенциал еврейской популяции, причины выезда, масштабы и направления будущих миграционных потоков.

Исследование впервые дало эмпирически обоснованные представления о национальном самосознании евреев России, мотивах и формах их поведения в тех или иных сферах национальной жизни. Эти результаты были дифференцированы по различным социальным, профессиональным и демографическим группам. Основным методом явилось формализованное интервью продолжительностью от одного до полутора часов. В качестве специально отобранных и обученных интервьюеров привлекались исключительно евреи, реже — лица частично еврейского происхождения.

При всей своей многоплановости, исследование 1992–1993 гг. зафиксировало лишь статичную картину еврейского самосознания и еврейской жизни. Чтобы оценить динамику и осмыслить происходящие изменения в бывшем советском еврействе и вокруг него, в конце 1997 — начале 1998 г. Еврейский научный центр провел повторное исследование по аналогичной методике* в тех же трех городах России (Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге), в каждом из которых был сохранен прежний объем выборки. Полностью были сохранены также критерии и процедуры формирования выборочной совокуп-

* Исследование было осуществлено при поддержке Российского еврейского конгресса, Frankel Center for Judaic Studies (University of Michigan), American Jewish Joint Distribution Committee, Charles and Lynn Schusterman Foundation, Memorial Foundation for Jewish Culture, National Council for Soviet and East European Research, and Jewish Community Development Foundation.

ности, методы отбора и обучения интервьюеров. В анкете, озаглавленной «Что значит “быть евреем”?», подавляющее большинство вопросов и шкал остались без изменений. Все это обеспечило высокую степень надежности и достоверности при сопоставлении результатов второго и первого замеров.

Вопросник второго исследования увеличился по объему примерно на четверть, продолжительность интервью составила полтора-два часа. Некоторые темы были проработаны более детально (например, еврейский активизм, иудаизм и традиции); кроме того, в вопросник был включен ряд совершенно новых тем — политические ориентации и электоральные предпочтения еврейского населения, его мнения о системе еврейского образования, о задачах и функциях еврейских общинных учреждений, о деятельности наиболее известных еврейских организаций.

В трех российских городах, включенных в выборку, проживало в общей сложности 288,1 тыс. евреев, что составляло 53,2% от всего городского еврейского населения России, зафиксированного последней переписью. По городам это число распределялось так: Москва — 174,8 тыс. человек; Санкт-Петербург (Ленинград) — 102,4; Екатеринбург — 10,9 тыс. человек.

Здесь уместно отметить, что во время переписи 1989 г. национальность человека фиксировалась только на основе его устного заявления. Как правило, такое заявление делалось лишь теми, кто в паспорте имел запись «еврей». Это, в свою очередь, означало с высокой вероятностью, что оба его родителя — евреи. Подавляющее большинство родившихся от смешанных браков считались, в соответствии с паспортной записью, неевреями. Поэтому можно предположить, что за пределами переписной численности евреев осталась достаточно многочисленная группа людей, имевших частично еврейское происхождение.

Общий объем выборки составил 1300 человек и распределялся по городам следующим образом: в Москве — 500, Санкт-Петербурге — 500, Екатеринбурге — 300. Включение в выборку Москвы было обусловлено, во-первых, ее статусом столицы государства и крупнейшего города страны, а во-вторых, наличием здесь самой многочисленной еврейской общины в России. Санкт-Петербург неформально считается второй столицей и имеет общину, сопоставимую по размерам с московской. Екатеринбург географически занимает промежуточное место между европейским Центром России и обширными регионами

Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, этот город с относительно крупной (пятой в стране по численности) еврейской общиной представлял группу одиннадцати российских городов, в каждом из которых во время переписи проживало более пяти тыс. евреев.

В выборку включались лица 16 лет и старше без верхнего ограничения возраста. Распределения выборочной совокупности 1992–1993 гг. по полу и возрасту в каждом из российских городов максимально близки к их распределениям в генеральной совокупности, за которую принято еврейское население этих городов (в возрасте 16 лет и старше), зафиксированное переписью 1989 г. В исследовании 1997–1998 гг., для обеспечения максимальной сопоставимости результатов и в силу отсутствия текущей статистики, мы сохранили ориентацию на данные той же переписи. Поэтому распределения по полу и возрасту в обеих выборках практически совпадают.

В 1994 г. в России была проведена промежуточная пятипроцентная микроперепись, результаты которой с определенными оговорками можно экстраполировать на все население. Она показала, что половозрастная структура еврейского населения за период, прошедший с 1989 г., не претерпела существенных изменений. Произошло лишь некоторое постарение и без того очень немолодой еврейской популяции, что связано как с превышением смертности над рождаемостью, так с более интенсивной эмиграцией молодежи. Поэтому использование данных переписи 1989 г. при построении выборки и второго опроса было признано вполне допустимым.

Выборка формировалась методом «снежного кома», который из-за отсутствия списков еврейского населения городов является единственно возможным при такого рода исследованиях. Первоначально в городе подбирались группы из нескольких десятков евреев, принадлежавших к различным половозрастным и социально-профессиональным слоям. Сами эти люди не опрашивались, но каждый из них предлагал для включения в выборку несколько своих родственников, друзей и знакомых, которых он числил евреями, предварительно заручившись их согласием дать интервью. Последние, в свою очередь, также предлагали родственников и знакомых для участия в опросе, получив их предварительное согласие. Опрос членов одной семьи не допускался. Таким образом формировался каждый очередной слой «снежного кома».

Таблица 0.1

**Распределение городского еврейского населения
16 лет и старше по возрасту (%)**

Возраст	Перепись 1989 г.		Микро-перепись 1994 г. Россия в целом	Выборка исследования в трех городах	
	Россия в целом	Три отобранных города в целом		1992–1993 гг.	1997–1998 гг.
Мужчины					
16–19 лет	3,0	3,0	2,9	2,9	2,6
20–29 лет	9,9	9,3	7,9	9,3	9,2
30–39 лет	14,7	13,1	11,8	14,0	13,4
40–49 лет	16,6	16,7	17,7	16,2	16,7
50–59 лет	21,7	22,2	20,6	22,3	22,5
60 и старше	34,1	35,7	39,1	35,3	35,6
Женщины					
16–19 лет	2,6	2,5	2,6	2,6	2,5
20–29 лет	7,9	7,3	6,5	7,0	7,1
30–39 лет	11,9	10,5	9,5	10,9	10,5
40–49 лет	13,6	13,5	14,6	13,2	13,2
50–59 лет	18,1	17,7	17,3	18,7	18,0
60 и старше	45,9	48,5	49,5	47,6	48,7

Рекомендующие сообщали пол, возраст, род занятий, профессию и должность потенциальных респондентов. Тем самым обеспечивался предварительный контроль параметров выборки в соответствии с параметрами генеральной совокупности — еврейского населения города 16 лет и старше.

Как видно из таблицы 0.1, суммарное половозрастное распределение населения трех городов, составляющего более половины еврейской популяции России, очень близко к распределению всего городского еврейства страны по полу и возрасту. Поэтому есть основания с большой вероятностью считать выборку репрезентативной (по названным параметрам) по

отношению к генеральной совокупности — еврейскому городскому населению страны в целом.

Что касается этнической принадлежности респондентов, то в выборке 1992–1993 гг. у 86,2% из них, как они утверждали, и мать, и отец были евреями. На три четверти или наполовину евреями были 12,2%; остальные 1,5% имели более отдаленные еврейские корни. В выборке 1997–1998 гг. эти показатели составили, соответственно, 80,3%, 17,5 и 2,2%.

Перейдем теперь непосредственно к анализу результатов опроса 1997–1998 гг.

1. Этничность и самосознание

Вопрос о том, что такое быть евреем, являлся ключевым в исследовании. При всей своей очевидной простоте он оказался далеко не столь тривиальным, как могло бы показаться. Даже многостраничный бланк интервью, так и озаглавленный «Что значит: “Быть евреем”?», не всегда позволял составить однозначное представление о взгляде респондента на эту проблему. И это не говоря о многообразии подходов разных людей, с разным уровнем культуры, жизненным опытом, психологическими особенностями, происхождением.

Нашими респондентами выступали люди, которых достаточно близкие к ним окружающие (друзья, коллеги, родственники и т. п.) воспринимали как евреев и которые либо сами были евреями записаны, либо, при отсутствии такой записи, относили себя к евреям. В результате среди опрошенных оказалось 83,7% «паспортных» еврея, тогда как у остальных в паспортах была вписана другая национальность (в подавляющем большинстве — русская), а у незначительной доли самых молодых респондентов вообще отсутствовала соответствующая запись. Доля официально зарегистрированных евреев выше среди представителей старших возрастных групп и достигает 96,1% среди тех, кому за семьдесят. Среди 30–39-летних доля тех, у кого в паспортах фигурирует другая национальность, приближается к четверти, а среди не достигших 30 лет их уже 42% (см. рис. 1.1).

Таким образом, от поколения к поколению «паспортных» евреев становится все меньше, и принадлежность к ним превращается из паспортного клейма в факт самосознания. При

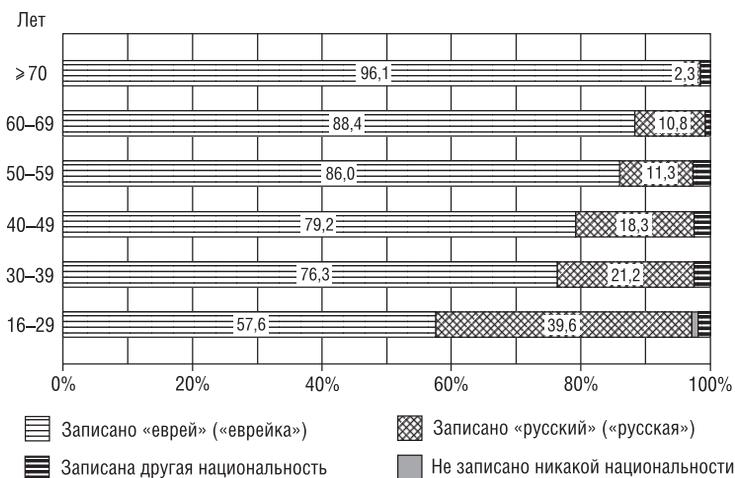

Рис. 1.1. Запись в паспорте в графе «национальность» в зависимости от возраста

этом официальная регистрация национальности не встречает большого одобрения в еврейской среде. Только 43% респондентов заявили, что в паспортах нового образца они запишутся евреями (при условии добровольности выбора). Больше оказалось тех, кто предпочтет обойти молчанием свою этническую принадлежность, либо оставив графу пустой (13,6%), либо вписав «гражданин России» (39,1%). Впрочем, среди чистокровных евреев доля тех, кто желал бы и в новый российский паспорт вписать свою этническую принадлежность, оказалась выше — 49%. Особенно велика доля таких людей в самой старшей возрастной группе (70 лет и старше). Об этом заявил каждый второй пожилой респондент. Среди молодых (до 30 лет) менее 40% готовы сохранить такую запись в паспорте нового образца, тогда как каждый пятый оставил бы графу «национальность» незаполненной.

Подавляющее большинство (90,9% опрошенных) сами заявили, что относят себя к евреям; 1,6% респондентов, несмотря на свои еврейские корни, назвали себя русскими, а остальные либо не смогли причислить себя к какой-либо определенной национальности, либо предпочли обозначить ее в нетрадиционной терминологии: «еврейка-русская», «гражданин мира», «ассимилированная (русская) еврейка — 50 : 50», «латышка и

еврейка одновременно», «русский еврейского происхождения» и, наконец, «интернационалист».

О том, что родители, семейное воспитание хотя и играют важную роль в формировании национальной идентичности, но не являются определяющим фактором, говорит любопытный факт. Более 60% респондентов, у которых оба родителя не относили себя к евреям, тем не менее сами считают себя евреями. Таким образом, зарождается, хотя еще незначительная, группа «новых евреев», чья национальная самоидентификация не является унаследованной.

Четыре пятых опрошенных — чистокровные евреи. При этом исследование показало, что в России происходит довольно стремительное «вымывание» этнически чистых евреев. За последние пять лет доля респондентов, оба родителя у которых — чистокровные евреи, снизилась на 6 пунктов (с 86,2 до 80,3%).

Данное обстоятельство объясняется двумя основными причинами. Во-первых, год от года растет удельный вес межнациональных браков, когда евреи связывают себя супружескими узами с неевреями. Это хорошо видно из покогортного анализа. Среди чистокровных евреев в возрастной группе 30–39 лет вдвое больше состоящих в браке с людьми, не имеющими никаких еврейских корней, чем среди старшей возрастной группы, разменявшей седьмой десяток (см. рис. 1.2).

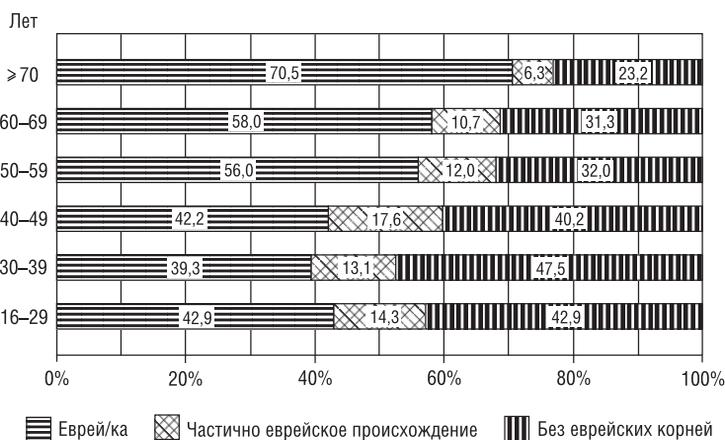

Рис. 1.2. Этничность супруга/супруги у чистокровных евреев в зависимости от возраста

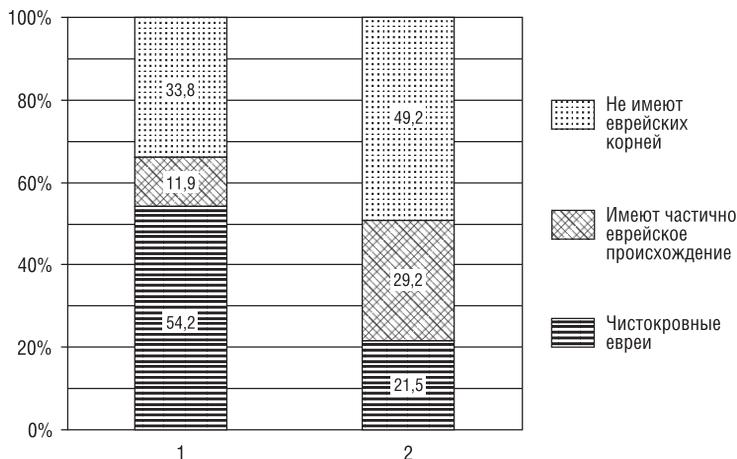

Рис. 1.3. Этничность супруга/супруги у чистокровных евреев (1) и респондентов частично еврейского происхождения (2)

По графику четко видно, что поколению евреев, получивших дореволюционное воспитание и подвергшихся наименее заметному влиянию ассимиляционных процессов, пришло на смену поколение послереволюционное, сильнее ощутившее на себе ассимиляцию, а затем настал черед поколения послевоенного периода, когда ассимиляция усилилась еще больше. В застойные годы этот процесс продолжился, и есть основания полагать, что ситуация не изменилась и поныне.

Вторая причина видится в тенденции к экспоненциальному росту числа смешанных браков у нечистокровных евреев. Исследование показывает, что чистокровные евреи, составившие 80% выборки 1997 г., значительно менее склонны к выбору супруга (супруги) нееврейского или частично еврейского происхождения. Как видно из следующей диаграммы (см. рис. 1.3), среди чистокровных российских евреев браки с такими же, как они, людьми 100-процентно еврейского происхождения заключаются в два с лишним раза чаще, чем среди нечистокровных евреев. Таким образом, людей, причисляемых к евреям, но не являющихся в полном смысле таковыми, становится год от года все больше.

Естественно, что этнические корни респондентов интересовали нас не с генетической точки зрения, а как основа раз-

личий в национальном самосознании разных групп евреев. Результаты исследования свидетельствуют о том, что социализация и приобщение к еврейской традиции и культуре в чисто еврейских и в смешанных семьях протекают неодинаково. При этом расхождения имеют двоякие корни. С одной стороны, они обусловлены этнокультурными моментами (национальные мотивы в смешанных семьях зачастую заретушированы и смещены в повседневном общении на задний план). С другой стороны, в них преломляются чисто исторические изменения. Когда мы говорим о респондентах, имеющих частично еврейское происхождение, мы имеем дело с более молодой генерацией, воспитывавшейся в новых исторических условиях, поскольку средней возраст этой группы на 15 лет ниже, чем группы чистокровных евреев (43 года против 58).

Двойственная этничность ведет к большей раздвоенности национального самосознания. Среди респондентов, имеющих частично еврейское происхождение, чаще встречаются люди, которые не могут с полной уверенностью отнести себя к евреям; они выбирают ответ «не отношу себя к какой-либо определенной национальности» или вписывают ответы типа: «гражданин мира», «русский еврей», «еврей и русский одновременно». В целом же, если среди чистокровных евреев 94% однозначно относят себя к евреям, то среди нечистокровных таких лишь три четверти.

К нечистокровным евреям в среднем значительно позже приходит осознание своей национальной принадлежности. Половина опрошенных чистокровных евреев заявили, что стали ощущать себя евреями, не достигнув девяти лет. Среди нечистокровных евреев столь раннее пробуждение национального самосознания наблюдалось лишь у одного из четырех. Каждый пятый полукровка стал сознавать себя евреем только по достижении совершеннолетия, в то время как среди чистокровных евреев такое позднее обретение национального «я» отмечено лишь в одном случае из десяти.

У нечистокровных евреев менее эмоциональное отношение к своей национальности. Так, отвечая на вопрос «На протяжении жизни Вы чаще гордились или стеснялись того, что Вы – еврей(ка)?», более трети из них заявили, что в их жизни не было ни того, ни другого, тогда как среди чистокровных евреев такой ответ дали немногим более четверти опрошенных. Очевидно, это объясняется тем, что приобщение к еврей-

ству, к еврейской культуре и традициям у чистокровных евреев чаще осуществлялось благодаря непосредственному влиянию родителей, тогда как на нечистокровных большее воздействие оказывали вторичные социализирующие факторы — супруг или супруга, сослуживцы и т. п. (см. таблицу 1.1)

Кроме того, именно семейные традиции — национальная кухня, праздничные ритуалы и пр., сильнее воздействовали на становление этнического самосознания чистокровных евреев, тогда как у нечистокровных более значимую роль играли литературные источники.

Таблица 1.1

Ответы чистокровных евреев и людей, имеющих частично еврейское происхождение, на вопрос «Кто оказал наиболее существенное влияние на формирование Вашего национального самосознания?» (%)

	Чистокровные евреи	Имеют частично еврейское происхождение
Бабушка, дедушка	25,6	27,3
Мать	49,4	32,3
Отец	41,7	25,8
Супруг(а)	4,9	8,1
Дочь, сын	4,0	3,8
Другие родственники	13,0	11,2
Друзья, подруги, соученики, сослуживцы	19,8	30,4
Другие люди	12,0	16,9
Затруднились ответить	9,6	6,2

Иными словами, чистокровные евреи чаще приобщаются к своим корням посредством чувственного восприятия, а нечистокровные — когнитивно. Антисемитизм, являвшийся самым мощным фактором национальной самоидентификации для всех евреев старше 50 лет, более серьезное влияние оказывал на чистокровных евреев, тогда как для нечистокровных он отодвигался на второй план, уступая первенство литературным источникам (см. таблицу 1.2).

Таблица 1.2

Ответы чистокровных евреев и людей, имеющих частично еврейское происхождение, на вопрос «Что оказало наиболее существенное влияние на формирование Вашего национального самосознания?» (%)

	Чистокровные евреи	Имеют частично еврейское происхождение
Антисемитизм	56,3	48,5
Книги, литература	47,1	51,2
Музыка, песни, спектакли	39,1	35,8
Встреча праздников, знаменательных дат	29,8	18,8
Национальная кухня	26,3	16,5
Семейный архив, письма, фотографии, документы	24,5	26,9
Приобщение к религиозным обрядам, ритуалам	8,6	5,4
Другое	9,1	10,8
Затруднились ответить	4,2	3,5

У чистокровных евреев оказалась более выраженной гордость за свой народ — видимо, как осознание способности евреев противостоять юдофобии и как защитная психологическая реакция. Отвечая на вопрос «Что значит “быть евреем”?», чистокровные евреи чаще отвечали: «испытывать гордость за свой народ» (13,2% из них назвали это главным против 7,3% нечистокровных), тогда как последние чаще, чем чистокровные евреи, давали ответ: «чувствовать свое отличие от людей других национальностей» (8,1% против 2,2%).

В целом у большинства наших респондентов (52,5%) первое осознание себя евреем было связано с негативными эмоциональными переживаниями, хотя исторически ситуация менялась достаточно ощутимо. В группе самых пожилых (старше 70 лет) почти 40% вспоминают события, связанные с зарождением еврейского самосознания, с теплыми чувствами. Уже в следующем поколении, 60–69-летних, доля переживших это как радостное событие снизилась практически вдвое, тогда как у двух третей опрошенных данного возраста воспоминания ассоциируются с бестактностью или оскорблениями

со стороны окружающих. С незначительными колебаниями так продолжалось на протяжении всех лет советской власти. Лишь молодежь, не достигшая тридцатилетия, вновь стала чаще осознавать свое еврейство в позитивном эмоциональном контексте (34%), нежели в негативном (32%). Видимо, именно влиянием антисемитизма объясняется то, что обстоятельства, впервые порождающие у чистокровных евреев чувство общности со своим народом, чаще оказывались неблагоприятными (55% против 44% у нечистокровных).

Однако, если у старшей возрастной группы позитивные эмоции были обусловлены благоприятной атмосферой семейного воспитания, то для молодежи семья все реже оказывается сколько-нибудь значимым фактором формирования еврейского самосознания. Лишь 12,5% пожилых респондентов заявили, что в семье, где они воспитывались, еврейская атмосфера, еврейский национальный дух практически не присутствовали, в то время как в молодежной группе такой ответ дали 36% опрошенных. И наоборот, почти половина пожилых евреев сказали, что национальный дух в семье, где они росли, ощущался в значительной степени, тогда как среди молодежи только 13,4% выбрали такой ответ (см. рис. 1.4).

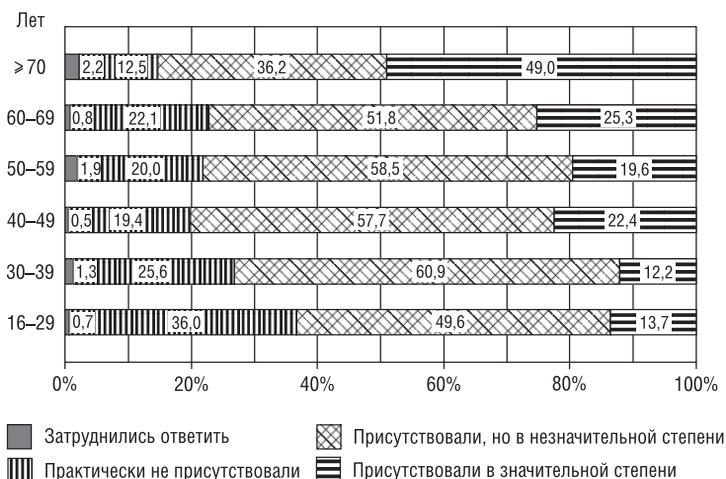

Рис. 1.4. Распределение ответов на вопрос «В какой степени в семье, где Вы росли, присутствовали еврейская атмосфера и национальный дух?», по возрасту

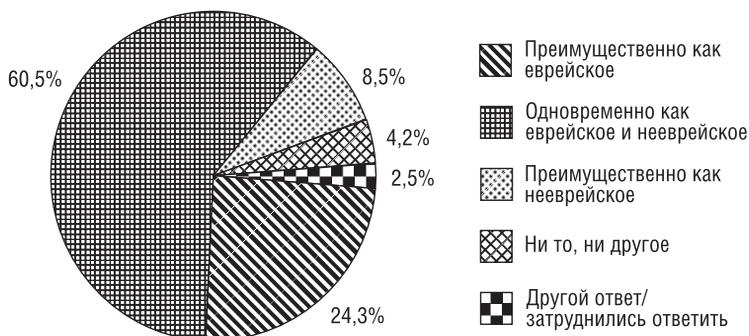

Рис. 1.5. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы могли определить в целом свое национальное самосознание?»

Воплощением этого «еврейского духа» были прежде всего традиционные праздники, которые отмечались во многих семьях до прихода советской власти, а потом оказались вытесненными из жизни последующих поколений. Так, 47% опрошенных в возрасте 70 лет и старше помнят, что в детстве в их семьях всегда отмечался *Рош-ха-Шана**. Среди тех, кому не исполнилось тридцати, всего 6,5% смогли сказать то же самое о семьях, где они росли. Более половины пожилых евреев помнят, что в детстве в их семьях было принято говорить на идише. В младшей возрастной когорте в семь раз меньше была доля тех, кто рос в таких семьях. Зато чтение художественных и научных книг на еврейские темы в родительской семье было одинаково принято и у самых старших возрастных групп, и у самой младшей: 57–58% опрошенных отметили это как своего рода семейную традицию.

Наши респонденты в целом ощущают себя «совместным продуктом» еврейской и русской культуры, что порождает своего рода дуализм национального самосознания (см. рис. 1.5).

Сопоставление с данными первого опроса свидетельствует о том, что двойственность самосознания проявляется все сильнее. В 1992–1993 гг. 55,1% респондентов рассматривали свое самосознание одновременно как еврейское и русское, а в

* Рош-ха-Шана — Новый год; празднуется первого-второго числа седьмого месяца *тишрей* по еврейскому календарю. — *Прим. ред.*

1997–1998 гг. — уже 60,5%. Однако среди молодых людей (где больше всего полукровок) оказалась самой значительной доля тех, кто считает свое национальное самосознание преимущественно еврейским (почти каждый третий).

Осознание двойственности своего положения, обусловленного принадлежностью к евреям по крови, но вместе с тем оторванностью от национальных культурных корней и сильным тяготением к русской культуре, привело к тому, что наши респонденты чаще всего определяли себя как «русские евреи» (41,3%) или даже просто «россияне» (21,6%), тогда как однозначно евреями назвали себя лишь 18,4%. Самоидентификацию «русский еврей» и «еврей» чаще были склонны использовать этнически чистокровные респонденты (44,4 и 21,4% соответственно), тогда как к термину «россиянин» чаще всего прибегали люди частично еврейского происхождения (31,9%). Кроме того, почти четверть представителей последней группы предпочли назваться «космополитами» или «гражданами мира», что среди чистокровных евреев отмечалось вдвое реже (см. табл. 1.3).

Таблица 1.3

**Самоидентификация чистокровных евреев
и людей, имеющих частично еврейское происхождение (%)**

Ответ	Чистокровные евреи	Имеют частично еврейское происхождение
Иудей	1,2	0,8
Еврей	21,4	6,2
Русский еврей	44,4	28,8
Россиянин	19,1	39,1
Русский	0	2,7
Израильтянин	0,1	0,8
Космополит	4,0	9,2
Гражданин мира	7,9	15,0
Другое	1,4	3,1
Затрудились ответить	0,5	1,5

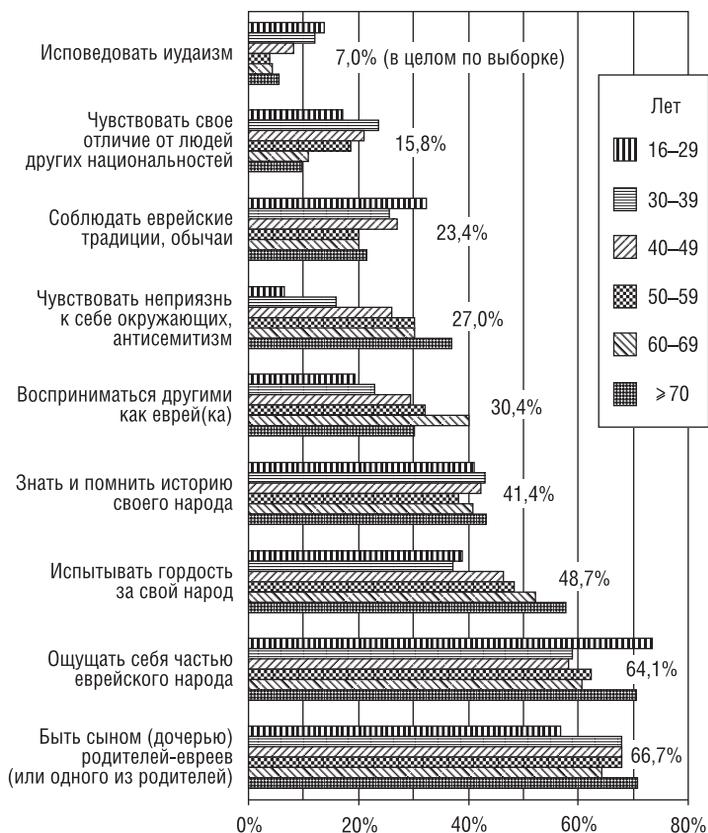

Рис. 1.6. Суждения о том, что значит «быть евреем», в зависимости от возраста

Национальная самоидентификация, размышления о своей этнической принадлежности у каждого человека связаны со своим комплексом стереотипов, основанных на жизненном опыте (позитивном или негативном), книжных знаниях, эмоциональных ассоциациях. Кровная, генетическая связь с еврейством, вполне естественно, играет ключевую роль в процессе самоидентификации, однако в результате распространения межэтнических браков этот, казалось бы, бесспорный критерий перестает быть доминирующим для молодежи. Для тех, кому нет тридцати (и среди кого больше всего полукровок)

Рис. 1.7. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является обязательным, чтобы считать человека истинным евреем?»

неосязаемое, нематериальное «ощущать себя частью еврейского народа» становится более важным, чем биологическая принадлежность, т. е. идеальные аспекты самоидентификации начинают доминировать над материальными (см. рис. 1.6).

При этом внутреннее самоощущение общности с народом играет, особенно для молодежи, более важную роль, нежели «навязанная идентификация», восприятие окружающими в качестве «лица еврейской национальности». Наконец, нужно отметить, что молодые люди большее значение придают «ритуальным» элементам национальной идентификации, очевидно,

подразумевая, что человек, ощущающий себя евреем, должен и вести себя как еврей, следуя традициям и предписаниям, сохранившимся в недрах народной памяти. И значительно менее важно, воспринимают ли тебя представители других народов в качестве еврея или нет. Возможно, столь заметная ориентация на традиции в самосознании молодежи обусловлена еще и тем, что именно эта возрастная группа придает особое значение религии. Таким образом, покогортный анализ свидетельствует о том, что «ощущение себя евреем» все в большей степени питается внутренними ресурсами хранимых в народе традиций, нежели внешними факторами, связанными с противопоставлением другим. Консолидация становится более важной, нежели отчуждение.

В целом картина национального самосознания достаточно ясно представлена ответами на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является обязательным, чтобы считать человека истинным евреем?» (см. рис. 1.7).

2. Религия и традиции в жизни современных российских евреев

Познавательные (когнитивные и чувственные) способы обретения евреями своих национальных корней с необходимостью должны дополняться (и это мы наблюдаем в действительности) поведенческими компонентами, практическим выражением своей принадлежности к еврейскому народу. И тут следовало ожидать таких проявлений, которые сильнее всего питаются ощущениями сопричастности — это следование традициям, обычаям, участие в ритуалах, праздниках.

Большинство российских евреев признают, что они слабо знакомы с национальными традициями — только 18% респондентов заявили, что они хорошо их знают. Несмотря на незначительный рост доли таких людей в сравнении с исследованием 1992–1993 гг., приходится констатировать, что разрыв религиозной и культурной преемственности, который пережили несколько поколений российских евреев, еще не преодолен. Более того, за пять лет, прошедшие между двумя опросами, произошло некоторое снижение интереса к еврейским традициям. Хотя примерно каждый третий респондент утверждает, что он близок ему (и этот показатель практически

остался неизменным), в 1992–1993 гг. 30% считали обязательным узнать о них больше, тогда как теперь — только 22%. Аналогичная картина наблюдается, если взглянуть на другой, косвенный показатель. В 1992–1993 гг. треть респондентов рассматривали знание национальных традиций обязательным условием того, чтобы считать человека истинным евреем. В 1997–1998 гг. такой ответ выбрала лишь четверть опрошенных.

Подобная динамика удивительна, поскольку участие в праздновании знаменательных дат еврейского календаря стало значительно более распространенным явлением. Число респондентов, не отметивших в течение последнего (перед опросом) года ни одного еврейского праздника, сократилось по сравнению с предыдущим исследованием на четверть и составило менее 30%. Более трети евреев взяли себе за правило отмечать наиболее популярные праздники регулярно (например, Песах). А ведь праздники — один из самых действенных (и приятных) способов приобщения к традициям народа. «Никогда еврей не утверждает так в своем еврействе, как в те моменты, когда евреи всего мира исполняют одни и те же ритуальные акты, например, в Пасхальный *Седер** или в *Йом-Киппур***»¹.

Сакральный смысл того или иного праздника для подавляющего большинства тех российских евреев, которые его отмечают, сведен к минимуму или даже вообще отсутствует. Зато, бесспорно, участие в этом событии выступает как сильное проявление этнической солидарности, индивидуальной связи с прошлым, настоящим и будущим еврейского народа.

Сам иудаизм у многих евреев ассоциируется с соблюдением традиций, участием в религиозных обрядах и празднествах. Только 13,5% опрошенных сказали, что для них иудаизм — прежде всего вера в Бога; 35,5% отметили, что иудаизм они понимают прежде всего как соблюдение заповедей и традиций, а для 36,8% это то и другое в равной степени. Именно поэтому всего для 7% опрошенных «быть евреем» означает исповедовать иудаизм, тогда как для 23,4% — это соблюдение еврейских традиций и обычаев. Знание основ иудаизма считают обязательным атрибутом истинного еврея 13,4% респондентов, веру в Бога — 16,6%, тогда как знание еврейских традиций — 25,3%.

* Седер — сложный порядок торжественной трапезы, ритуалов и молитв в первую ночь праздника Песах (еврейской Пасхи). — *Прим. ред.*

** Йом-Киппур («День искупления», «Судный день») — самый святой из еврейских праздничных дней, проходит в строгом посте. — *Прим. ред.*

Роль иудаизма в сохранении евреями своей национальной идентичности признает большинство опрошенных, причем он понимается широко: не только как религиозное мировоззрение, но и как способ передачи народных традиций, исторической памяти, всего образа жизни. Распределение ответов наших респондентов на вопрос: «Согласны Вы или не согласны с суждением, что сохранением себя как народа евреи обязаны иудаизму?» показывает, что только незначительное меньшинство (8,7%) категорически отрицает эту историческую роль еврейской религии. Однако отсюда вовсе не следует, что высказанный взгляд российские евреи распространяют и на наше время. Мартин Бубер верно заметил, что «если взглянуть на нее с точки зрения внутренней реальности, еврейская религиозность — воспоминание, быть может, надежда, но отнюдь не современность»².

В ходе опроса 22,8% респондентов сказали, что они верят в Бога; 25,3% скорее верят, чем не верят; 17,2% — скорее не верят, чем верят; 28,3% определенно не верят, а остальные просто не разобрались в своих отношениях с верховной сущностью. Со времени первого опроса доля верующих несколько увеличилась, однако это не свидетельствует о распространении иудейского вероисповедания, ибо сюда входят и христиане, и кришнаиты, и те, кто верует во что-то трансцендентное, чему имени нет. Напротив, иудаизм назвали наиболее привлекательной для себя религией только 26,7% опрошенных, т. е. за период, прошедший со времени первого опроса, доля приверженцев древней еврейской религии снизилась на 6,5 пункта, тогда как число симпатизирующих христианству осталось неизменным (13,7%).

В нашей выборке оказалось 7,7% респондентов, которых действительно можно считать религиозными. К этой категории были отнесены те, кто определенно заявил, что верит в Бога и в то же время соблюдает хотя бы некоторые религиозные предписания. Большинство из них — приверженцы иудаизма (4,8%); христиане составляют 2,1%. Непропорционально велика доля исповедующих иудаизм среди молодых респондентов (в возрасте до 30 лет): 17,6% среди тех, кого мы рассматриваем в качестве истинно религиозных людей, составляет именно молодежь, хотя ее удельный вес в выборке — всего 10,6%.

Однако переоценивать набожность даже тех, кто заявляет о своей твердой вере в Бога и следовании хотя бы некоторым

религиозным предписаниям, не приходится. Только 41,3% из них постоянно соблюдают субботу и еще 34,9% делают это иногда, т. е. почти четвертая часть респондентов этой категории никогда не соблюдают субботу. Всего 46% религиозных приверженцев иудаизма постоянно соблюдают еврейские посты, тогда как каждый третий не делает этого никогда. Более половины никогда не придерживаются *кашрута**, почти две трети постоянно используют одну и ту же посуду для мясных и молочных продуктов. Однако, если сравнить эти цифры с крайне низкой распространенностью традиционных норм поведения в еврейской среде в целом, то даже они покажутся внушительными.

Твердая приверженность иудаизму в значительной степени способствует формированию еврейской идентичности. Об этом позволяет судить хотя бы тот факт, что в выделенной нами группе верующих более чем в 2,5 раза выше (чем в целом по выборке) доля лиц, определивших свое национальное самосознание как преимущественно еврейское.

Можно предположить, что отдавая приоритет именно обрядовой, ритуальной стороне иудаизма, а не его философско-теологической системе, большинство российских евреев не могут подчиниться всему комплексу его строгих предписаний и следовать им в повседневной жизни. Таким образом, в религии выделяется, в первую очередь, национально-идентификационный элемент, она служит прежде всего формированию чувства единства со своим народом.

В среде российских евреев наблюдаются те же тенденции, что и во всем российском населении. Отношение к Богу, к религии представляет собой скорее символическую тягу к духовности, поиск нравственных ориентиров, имеющий мало общего со следованием канонам веры. Именно поэтому на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» респонденты чаще отвечали «Скорее верю, чем нет» (25%), нежели давали четкий ответ «Верю» (23%). Более того, каждый пятый из группы определенно заявивших о своей вере в Бога одновременно отметил, что ни одно из религиозных вероучений его не привлекает либо затруднился с выбором такового. В том же видятся корни удивительной для многих зарубежных евреев веротерпимости

* Кашрут — свод правил, заповеданный Торой, о пригодности для правоверного еврея пищи и тканей. — *Прим. ред.*

евреев российских. Лишь один из пяти опрошенных отрицательно относится к сторонникам проявляющего редкостную активность в последние годы движения «Евреи за Иисуса»; менее трети опрошенных осуждают евреев, принимающих крещение. Это позволяет говорить о том, что иудаизм лишь с большой долей условности можно назвать общенациональной религией современных российских евреев. В настоящее время его национально-идентификационная роль сводится главным образом к сохранению исторической традиции. Однако появились признаки появления немногочисленной прослойки глубоко верующих молодых людей.

3. Семья и ближайшее социальное окружение как фактор национальной самоидентификации

Главная проблема еврейской семьи — это этническое воспроизводство, чисто биологическое сохранение нации, поскольку, как уже отмечалось, нарастает тенденция к ассимиляции еврейского населения. Она выражается в том, что рост доли нечистокровных евреев в каждом последующем поколении усугубляется более частыми браками нечистокровных евреев с людьми, не имеющими вообще никаких еврейских корней, и это предопределяет судьбу последующих поколений. Особенно быстро данный процесс идет в последние годы.

Среди наших респондентов (т. е. людей, воспринимаемых окружающими в качестве евреев и относящих себя к евреям) в возрасте от 70 лет и старше лишь один из двадцати имел не чисто еврейское происхождение. Среди тех, кому 50–69 лет, уже примерно каждый шестой имел примесь нееврейской крови. Среди респондентов от 30 до 49 лет нечистокровным евреем был уже каждый четвертый. Наконец, в младшей возрастной группе, кому не исполнилось тридцати, более половины имели одного из родителей нееврея. В то же время вероятность брака с человеком, не имеющим еврейских корней, для чистокровных евреев выражается отношением 1 : 2, а для имеющих частично еврейские корни — 1 : 1.

В целом по выборке в зарегистрированном или не зарегистрированном браке состояло чуть больше половины опрошенных (51,9%); 12,9% были разведены, 18,5% овдовели и 16,7% никогда не состояли в браке. Однако эти распределения

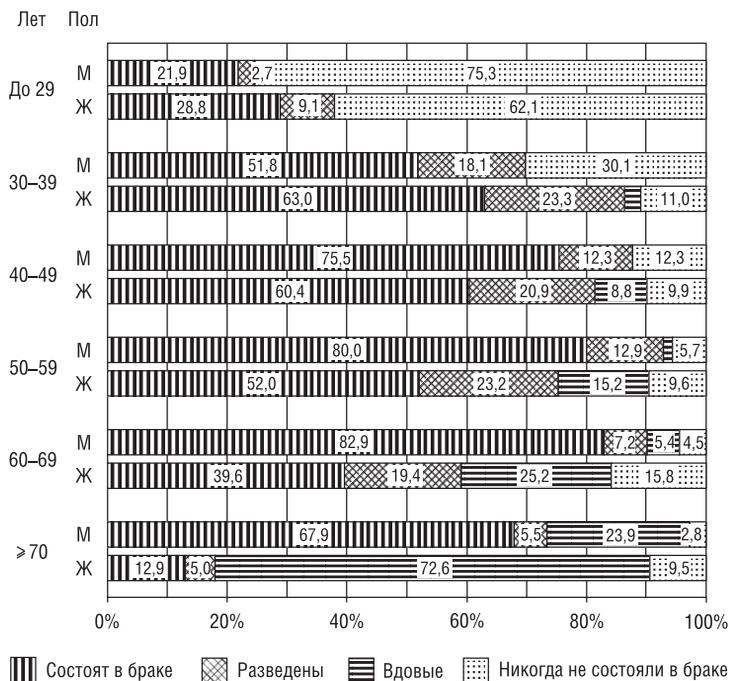

Рис. 3.1. Семейное положение в зависимости от пола и возраста

сильно варьируют в зависимости от пола и возраста респондентов. В возрасте до 30 лет три четверти мужчин и почти две трети женщин еще ни разу не вступали в брак. До достижения 40-летнего возраста доля замужних женщин превышает долю женатых мужчин, причем в группе 30–39-летних удельный вес замужних женщин достигает своего наивысшего значения — 63%. Максимальный же удельный вес мужской брачности (83%) наблюдается значительно позднее: в возрастной группе 60–69 лет. Среди женщин этого возраста замужних в два с лишним раза меньше (40%), что объясняется более чем двукратным превышением удельного веса разведенных женщин в этой возрастной группе над соответствующим показателем у мужчин, которые легче находят себе новую спутницу жизни. Кроме того, среди женщин тут впятеро больше овдовевших, чем среди мужчин, и в три с лишним раза больше никогда не состоявших в браке (см. рис. 3.1).

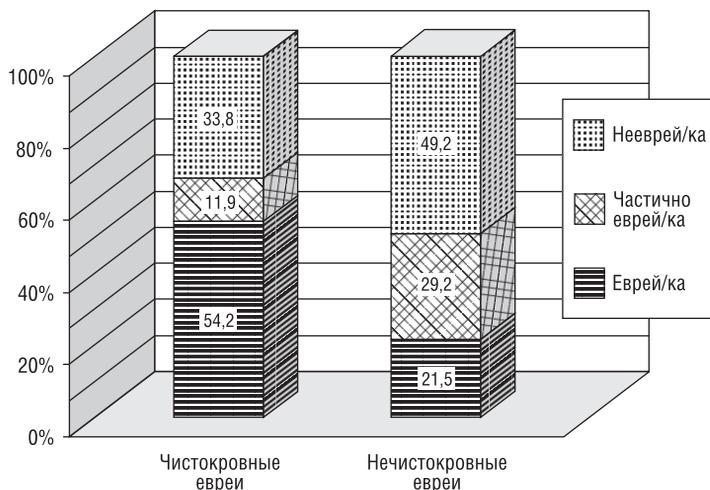

Рис. 3.2. Национальность супруга/супруги у чистокровных и нечистокровных евреев

Таким образом, неблагоприятная ситуация с воспроизводством еврейского населения России объясняется не только ростом доли межнациональных браков и низкой рождаемостью, но и высоким уровнем разводов, более ранним уходом из жизни мужчин и, наконец, тем, что по крайней мере каждая десятая еврейка на протяжении всей своей жизни остается незамужней.

Среди чистокровных евреев, попавших в нашу выборку, немногим более половины состоят в браке с такими же, как они сами, чистокровными евреями, тогда как каждый третий — с человеком нееврейского происхождения. В группе респондентов-полукровок браки с чистокровными евреями встречаются в два с лишним раза реже, тогда как с неевреями — почти в полтора раза чаще (см. рис. 3.2). Таким образом, в целом в нашей выборке чисто еврейских брачных пар оказалось менее половины (44%). Еще примерно каждый пятый брак можно назвать преимущественно еврейским, поскольку и муж, и жена в этих парах имеют по крайней мере частично еврейское происхождение. Наконец, чуть более трети браков (37%) можно считать по-настоящему межнациональными, поскольку либо муж, либо жена вообще лишены каких-либо еврейских корней.

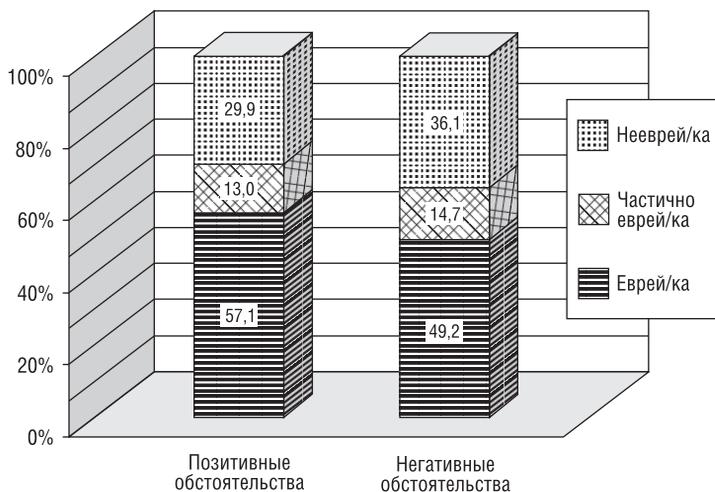

Рис. 3.3. Выбор национальности супруга (супруги) в зависимости от обстоятельств осознания своей собственной национальности

Выбор спутника жизни во многом определяется национальным самосознанием респондентов. Среди тех, кто считает его преимущественно еврейским, 60% состоят в браке с чистокровными евреями и лишь один из четырех — с неевреями. А вот в группе тех, кто называет свое национальное самосознание преимущественно нееврейским, только 38% состоят в браке с чистокровными евреями, а 42% — с людьми, не имеющими еврейских корней. При этом вряд ли именно в супружестве происходило становление этнической идентичности, поскольку лишь примерно один из двадцати опрошенных в ответ на вопрос «Кто оказал наиболее существенное влияние на формирование Вашего национального самосознания?», указал на супруга (супругу). Главным фактором тут становится семья, но не собственная, а родительская — взрастившая и воспитавшая.

При анализе критериев выбора респондентами мужа (жены) выявился факт, на первый взгляд, едва ли поддающийся рациональному объяснению. Те евреи, у которых первое осознание своей национальной принадлежности сопровождалось позитивными эмоциями, чаще выбирают себе в спутники жизни евреев, нежели те, для кого осознание своего еврейства было связано с горькими переживаниями (см. рис. 3.3).

Если вспомнить, что представители первой группы чаще, нежели второй, отвечали, что если бы могли родиться снова, они предпочли бы родиться евреями, можно предположить, что пережитые в детстве отрицательные эмоции, связанные с национальной принадлежностью, побуждали людей стремиться забыть обо всем плохом и держаться подальше от «своих», дистанцироваться от евреев.

Не менее убедительной кажется и другая версия. Те, для кого приход к еврейским «корням» ассоциируется с положительными эмоциями, как правило, вспоминают семью, теплую атмосферу еврейского дома, добрые традиции и семейные праздники. Все это приходит в раннем детстве, задолго до того, как жизнь столкнет с проявлениями юдофобии. Те же, кто вспоминает о первом осознании своего еврейства с горечью, обычно воспитывались в семьях, где родители не любили говорить о своей национальной принадлежности, равно как соблюдать традиции и обычаи своего народа. Поэтому не удивительно, что у таких детей не выработалось установки на воспроизведение родительской (еврейской) семьи — у них просто не сформировалось понятие «еврейская семья».

Возможно, именно поэтому с каждым новым поколением все меньше евреев считают необходимым выбирать мужа (жену) своей национальности. Среди тех, кому за 70, такого мнения придерживаются более половины (53%), а среди молодежи до 30 лет — немногим более трети (34,5%). В целом, по опросу 1997–1998 гг., людей, ориентированных на выбор спутника жизни своей национальности, меньше, чем тех, кто призывает не придавать этому значения (43,4% против 49,2%). По сравнению с 1992–1993 гг. доля предпочитающих мононациональные браки снизилась на 10 пунктов. Более того, даже четкая вербальная установка на моноэтнический брак не всегда оказывается реализованной на практике. Среди тех, кто считает необходимым выбирать супруга своей национальности, 16% состояли в браке с неевреями, причем сами эти люди в подавляющем большинстве своем — чистокровные евреи (около 90%). В этой группе очень велика доля неудовлетворенных своим браком — только 56,5% отметили, что они в браке счастливы, тогда как в среднем по массиву счастливым свой брак назвали 86%. Вместе с тем, среди полагающих необходимым выбирать спутника жизни из «своих» и одновременно состоящих в браке с неевреями оказалась выше, чем в среднем по выборке,

доля тех, кто считает свой дом преимущественно русским по царящему в нем духу (54,3% против 37,4%) и в то же время выше доля тех, кто назвал свое собственное самосознание преимущественно еврейским (37% против 24,3%). Таким образом, у этой группы людей установка на моноэтнический брак выработалась, очевидно, апостериорно как реакция на несложившуюся семейную жизнь при смешанном браке.

Моноэтнические семьи можно считать несколько более благополучными. Среди тех, кто состоит в межнациональном браке, примерно втрое выше доля назвавших свой брак несчастливым, чем среди живущих в браке с чистокровными или нечистокровными евреями. Что интересно, эта тенденция сильнее выражена у женщин, нежели у мужчин. Среди наших респонденток — жен чистокровных или нечистокровных евреев — только 1,6% назвали свой брак несчастливым, тогда как среди вышедших замуж за неевреев таких было 12,7%.

Моноэтнический брак, прежде всего для женщин, представляет, судя по всему, инструментальную ценность, определяя семейное благополучие. Однако в процессе выбора национальности супруга (супруги) люди исходят главным образом из терминальной ценности выбора брачного партнера своей же национальности. Те, кто состоит в браке с евреями, считают национальность супруга(и) очень важной. Те, кто женаты или замужем за людьми частично еврейского происхождения, национальности спутника жизни придают несколько меньшее значение; состоящие же в браке с неевреями не придают данному обстоятельству практически никакого значения (см. таблицу 3.1).

По-видимому, в конечном итоге это определяется некими идеальными этническими стереотипами поведения, формируемыми всем комплексом национального воспитания. Не случайно реальный выбор национальности брачного партнера тесно коррелирует с вербально выраженным признанием важности моноэтнического супружества для того, чтобы считаться истинным евреем. Среди тех, кто полагает брачный союз с евреем (еврейкой) в этом контексте обязательным, 77,8% сами женились на чистокровных еврейках или вышли за евреев замуж, и только 15,1% состоят в браке с неевреями. А в группе тех, кто не считает национальность супруга решающим критерием истинного еврея, в 3,5 раза больше состоящих в браке с неевреями (56,7%), а в браке с чистокровными евреями состоят лишь

немногим больше четверти (27,6%). При этом только 20% опрошенных считают еврейский брак обязательным для того, чтобы считать человека истинным евреем, еще примерно треть (32%) называют это желательным, тогда как несущественным этот фактор рассматривает практически каждый второй (46%).

Таблица 3.1

**Значение, придаваемое респондентами национальности
своего супруга или супруги (%)**

Респонденты, состоящие в браке...	Придают большое значение	Придают не очень большое значение	Никакого значения не придают	Затруднились ответить
с евреями	64,6	22,3	11,0	2,1
с людьми частично еврейского происхождения	22,1	32,7	42,3	2,9
с неевреями	8,0	15,5	74,1	2,4

Сформированные с детских лет ценностные ориентации не только воплощаются во многом в той модели семьи, которую создает человек, но и передаются в определенной степени следующему поколению, становясь основой воспитания собственных детей. Межпоколенческая преемственность домашних традиций прослеживается через оценку респондентами национального духа дома, в котором прошло их детство, и той атмосферы, которая складывается в их сегодняшней семейной обители. Среди тех, чьи детские воспоминания рисуют дом с сильно выраженным еврейским духом, 28% и в нынешней своей семье сумели воспроизвести ту же обстановку, а каждый четвертый стремится воспитывать своего ребенка преимущественно в традициях еврейского народа. И напротив, среди тех, кто в детстве не ощущал этой атмосферы в семье, лишь 3% смогли назвать свою сегодняшнюю домашнюю обстановку преимущественно еврейской, а на национальные культурные традиции в воспитании собственных детей опираются менее двух процентов.

Моноэтническая семья в большей степени, чем смешанная, способствует формированию у подрастающего поколения установки на еврейский брак. Среди опрошенных чистокров-

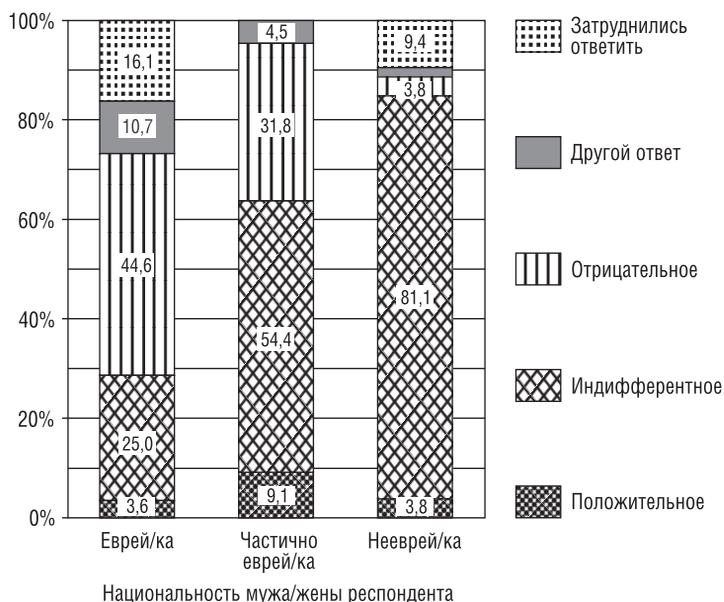

Рис. 3.4. Отношение респондентов к нееврейскому браку ребенка в зависимости от национальности собственного супруга/супруги

ных евреев, состоящих в моноэтническом браке, оказалось почти в 12 раз больше тех, кто выразил отрицательное отношение к возможности брака своих детей с людьми нееврейской национальности, нежели среди тех, кто женат или замужем за неевреями (см. рис. 3.4).

Однако установка на моноэтнический брак не является строгой и категоричной. Менее половины тех, кто считает предпочтительным выбор супруга своей национальности, отнеслись бы к браку своего ребенка с человеком без еврейских корней отрицательно. Остальные либо не придают значения этнической принадлежности будущих невестки или зятя, либо оставляют решение на усмотрение самого ребенка. Объяснения респонденты дают разнообразные, но все они сводятся примерно к следующим.

Москвичка, преподаватель-этнограф: *«Была бы рада, если бы они вступили в брак с евреями. В противном случае не стала бы делать трагедии».*

Учитель русского языка из Петербурга: *«Посмотрю на невестку — может быть, и не важно».*

Екатеринбургская журналистка, еврейка только по отцу, «чувствует себя полукровкой, понимает, что не до конца еврейка, но русской себя совсем не считает»; видимо, двойственность своего национального положения и самосознания рассматривает как благо: *«Предпочту, чтобы сын женился на полукровке».*

Наконец, москвич-предприниматель о возможном браке своей дочери — еврейской активистки с неевреем выразился кратко и емко: *«Стерпел бы».*

Анализ брачной ситуации в еврейских общинах российских городов показал, что в целом здесь наблюдаются те же самые тенденции, что были выявлены в недалеком прошлом рядом исследовательских центров США. Американские ученые установили, что дети от смешанных браков чаще вступают в браки с неевреями, тогда как в чисто еврейских семьях выше вероятность продолжения семейной традиции моноэтнических браков. Та же ситуация и в России. Американские евреи, происходящие из семей, соблюдающих национальные еврейские традиции, проявляют большую склонность к сохранению этнической чистоты, что оказалось верным и для российских евреев. Еврейское образование старшеклассников и активное участие в работе еврейских организаций, по мнению американских исследователей, являются дополнительными факторами, сдерживающими рост смешанных браков. Нам еще предстоит проанализировать, насколько эти рецепты эффективны для российских евреев.

Как показал опрос, внесемейный круг общения играет в формировании еврейского самосознания следующую по значимости роль после родителей и бабушки с дедушкой. Для 22% опрошенных наиболее существенным был вклад друзей, подруг, соучеников или сослуживцев. Для молодого поколения такого рода внесемейные контакты еще более важны. Примерно каждый третий опрошенный в возрасте до 40 лет отмечает особое значение дружеского общения для своего этнического мировосприятия, что практически уравнивает этот фактор по важности с семейным воспитанием, которое у молодого поколения чаще всего лишено заметных национальных черт. Поэтому изучению дружеских связей респондентов был посвящен ряд специальных вопросов.

Отвечая на вопрос, нужно ли выбирать друзей среди людей своей национальности или этому не следует придавать значения, подавляющее большинство (91%) опрошенных выбрали второй ответ, и только 6,5% считают этнический признак определяющим. Такой подход характерен для людей разных возрастов и в разных городах России, причем он универсален для представителей всех основных социально-демографических групп. На первый взгляд, причина такого единодушия — глубоко проникшие в плоть и кровь «идеи пролетарского интернационализма», на которых воспитаны практически все респонденты. Однако дальнейший анализ позволяет предположить, что полученное распределение ответов — не более, чем отражение утвердившегося в сознании идеологического штампа, не влияющего на реальное поведение.

Респондентам было предложено назвать национальности трех своих самых близких друзей. Естественно предположить, что при этом выстраивается, сознательно или бессознательно, своего рода иерархия отношений, основанная на духовной близости, доверительности, взаимных симпатиях. Менее чем у трети опрошенных в качестве первого из ближайших друзей фигурировал человек, не имеющий никаких еврейских корней. И даже третий из друзей оказался неевреем менее чем у половины (см. рис. 3.5).

Таким образом, наиболее теплые дружеские отношения чаще складываются в этнически гомогенной среде, что и определяет исключительно важную роль подобного общения в становлении национальной идентичности. Надо полагать, что влияние друзей оказывается существенным не только в пору взросления, а на протяжении всей жизни. Поэтому, говоря о связи между национальным самосознанием и выбором друзей, вряд ли можно однозначно утверждать, что евреи с развитым этническим самосознанием выбирают друзей из своей национальной среды или наоборот, дружба с евреями одна лишь и определяет национальное самосознание. Видимо, здесь наблюдается взаимовлияние признаков, причем достаточно сильное. У 46% тех, кто назвал свое самосознание преимущественно еврейским, все ближайшие друзья — евреи (чистокровные или нечистокровные) и только у 8% — исключительно неевреи. Среди назвавших свое самосознание преимущественно нееврейским только 15% имеют чисто еврейский круг дружеского общения, а 30% — исключительно нееврейский.

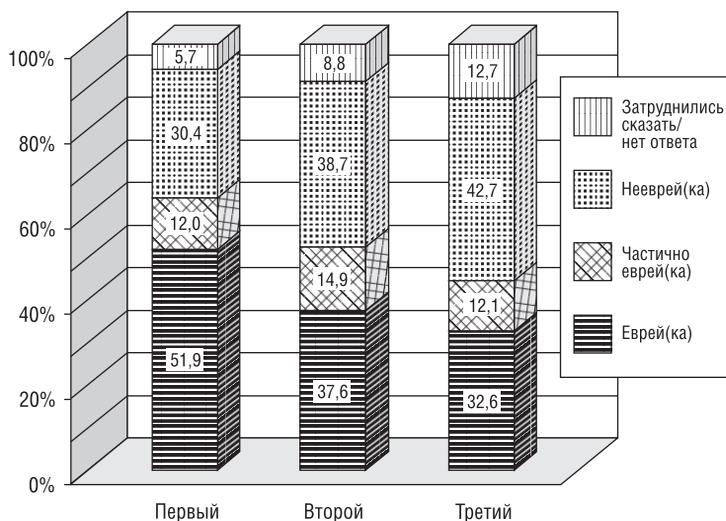

Рис. 3.5. Национальности трех ближайших друзей

От поколения к поколению ситуация с друзьями меняется. Среди тех, кому за 50, приблизительно один из четверых в качестве своего друга номер один назвал нееврея, а среди более молодых респондентов — уже более трети дали такой ответ. В Москве лучший друг — нееврей у 26% опрошенных, а в Екатеринбурге — у 38%.

Здесь мы вели речь о самых близких друзьях, т. е. об избранном круге общения. Однако не менее важным для человека является круг приятелей — общения не столь задушевного, но зачастую более регулярного и эмоционально не менее значимого. И тут обстоятельства у наших респондентов складываются несколько иначе. Лишь один из пяти опрошенных сказал, что среди его приятелей больше евреев, зато каждый четвертый отметил, что русские составляют большинство, а каждый второй — что тех и других примерно поровну. Ситуация существенно различается по городам. Если в Москве 22% опрошенных отметили, что большинство приятелей у них русские, то в Екатеринбурге — 36% (видимо, чем меньше город, чем более ограничены возможности для избирательного круга общения). У молодых респондентов среди приятелей русские доминируют почти в полтора раза чаще, чем у пожилых.

Если на проблему ассимиляции взглянуть не с привычных точек зрения брачного рынка или языковой и культурной среды, а сквозь призму непосредственного социального окружения, которое складывается не столько за счет родственных связей, сколько за счет дружеских контактов и круга неформального общения, то можно нащупать новые пути решения проблемы. По-видимому, в строительстве общинной жизни важная роль должна уделяться именно созданию возможностей для общения — еврейских институций, культурных центров светского характера, где люди встречались бы в непринужденной, неформальной обстановке.

* * *

Сравнение результатов двух опросов, разделенных пятью годами, показывает, что происходит довольно интенсивный процесс «размывания» еврейской этничности — увеличение доли лиц, относящих себя к евреям и обладающих целым рядом других компонентов еврейского мироощущения, но имеющих лишь частично еврейское происхождение. Большинство опрошенных определяют свое национальное самосознание дуалистически — как одновременно еврейское и русское, и удельный вес этой категории растет. Подобный дуализм ярко проявляется в том, что наиболее распространенный тип национальной самоидентификации — «русский еврей» или «россиянин», а не просто «еврей».

Иудаизм и сугубо религиозные ценности для большинства евреев России не играют существенной роли в формировании их национальной идентичности. Главные компоненты еврейского самосознания связаны с исторической памятью народа, чувством национального достоинства, этнической консолидацией перед лицом современных проблем, освоением своего культурного наследия. Доля истинно верующих иудаистов, лиц, достаточно скрупулезно соблюдающих практику иудаизма в своей повседневной жизни, крайне мала.

Хотя родительская семья сохраняет ведущую роль в становлении национальной идентичности, все большее значение в ходе этнической социализации приобретают внесемейные факторы. У еврейской молодежи круг дружеского общения, институты еврейского просвещения и образования заняли

почти такое же место в формировании этнической идентичности, как и родительское воспитание.

Наблюдается рост доли межнациональных браков евреев, а также браков с лицами, имеющими частично еврейское происхождение. Одновременно увеличивается число тех, кто не считает чисто еврейский брак обязательным, а также тех, кто толерантно отнесется к смешанному браку своего ребенка. Это позволяет прогнозировать сохранение и, возможно, даже усиление ассимиляционных тенденций среди определенной части еврейской молодежи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Стейнберг М.* Основы иудаизма. Б/м. Библиотека-Алия, 1989. С. 32.

² *Бубер М.* Еврейство и евреи // Евреи и еврейство. Иерусалим, Гешер Алия, 1991. С. 70.